

Пальцева Л.А.

К вопросу о кодификации права в Древней Греции

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3221>]

[Публикация работы:]

Пальцева Л.А. 2002: К вопросу о кодификации права в Древней Греции // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (10), 14-22.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Л. А. ПАЛЬЦЕВА*

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ПРАВА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Формирование греческого полиса как автономной самоуправляющейся гражданской общины было неразрывно связано с процессом становления и развития права. Важнейшим по значимости этапом этого процесса, обусловившим движение греческого общества к более высокому уровню интеллектуального и политического развития, явился переход от так называемого обычного права, основанного на устной традиции, к писаному закону. В условиях Греции с ее политическим партикуляризмом и неравномерностью социально-политического развития отдельных областей этот переход не мог, конечно, быть одномоментным. Процесс кодификации права затронул в первую очередь те общины, которые были подготовлены к нему предшествующим политическим и социально-экономическим опытом и в наибольшей степени нуждались в рациональной организации общественной жизни – а именно такую цель преследовали первые греческие законодательства. Необходимость введения писаного закона как особой формы регулирования внутрполисных отношений возникала прежде всего там, где социальные противоречия приобретали особую остроту и где общество, очевидно, сознавало, что порождаемые этими противоречиями конфликты не могут быть решены иначе как путем введения определенных правил и норм, обязательных для всех членов данного сообщества¹. Начавшись в VII в. до н. э., этот процесс захватил и следующий, VI в. до н. э., а кое-где не был завершен даже в период классики².

О сущности и значении социально-экономических и политических процессов, на фоне которых происходило раннее греческое законодательство, в научной литературе последних десятилетий высказывались различные, порой диаметрально противоположные мнения³. Не углубляясь сейчас в детальный разбор этой дискуссии, мы отметим вкратце лишь некоторые моменты, важные для понимания особенностей и типологических черт ранних законодательств, опираясь при этом на предложенные

* Пальцева Лариса Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ О роли сознательного, рационального момента в процессе социальных и политических преобразований архаического периода, и в частности о необходимости достижения определенного консенсуса в обществе, см.: *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 121.

² Так, в Спарте, где вообще не было писаных законов, судопроизводство основывалось на установлениях обычного права.

³ Ср., например: *Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (о Родос IX–VII вв. до н. э.). Л., 1951; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция // *Античная Греция*. М., 1983. Т. I. С. 128–193; *Он же.* Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990; *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. Л., 1985; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. С. 92–178; *Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991; *Лурье С. Я.* История Греции. СПб., 1993. С. 130–159, 173–186; *Jeffery J. H.* Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B. C. L., 1976; *Starr Ch. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece. 800–500 B. C. N. Y., 1977; *Snodgrass A.* Archaic Greece. The Age of Experiment. Berkley; Los Angeles, 1980.

ранее реконструкции, наиболее близкие нашему пониманию основных коллизий архаической эпохи.

Начало архаического периода ознаменовалось (практически повсеместно) ликвидацией монархии гомеровского образца и установлением безраздельного господства аристократии⁴. Могущество аристократических кланов опиралось как на крупное землевладение, дававшее им большие экономические преимущества, так и на безусловное политическое превосходство, вследствие чего в их руках были сосредоточены все рычаги управления обществом, в том числе и столь важная сфера, как судопроизводство. В то же время значительная часть общества оказывалась все более вовлеченной в сложные социально-экономические процессы, следствием которых становилось обезземеливание массы сельского населения и частичное его переселение в города. В городах происходило постепенное формирование так называемой «новой знати» из числа лиц, лишь недавно получивших более высокий материальный статус; здесь все определеннее выступал слой городского демоса, отличавшийся высокой социальной активностью, что особенно наглядно проявилось в ходе его борьбы за расширение своих гражданских и политических прав. Процессы, протекавшие в недрах греческого общества, принимали во многих случаях весьма ожесточенный характер; противостояние социальных групп было чревато смутами и общественными потрясениями, упоминания о которых столь часты в наших источниках⁵. В VII в. до н. э. к числу самых насущных общественных потребностей относились: решение земельного вопроса, отмена долгового рабства, расширение политических прав демоса и – что имеет особое отношение к нашей теме – обеспечение более высокой степени объективности суда, где права рядовых членов гражданской общины, видимо, нарушались особенно часто вследствие сугубо аристократического состава судейского корпуса. Средством разрешения названных проблем во многих полисах стало либо принятие отдельных законов, либо создание целых законодательных кодексов, что говорит о высокой степени готовности всего общества к компромиссу⁶.

К сожалению, скудость и противоречивость свидетельств источников о характере и составе ранних законодательств лишают нас возможности подробно изучить процесс перехода от обычного права к праву кодифицированному, выявить в каждом конкретном случае степень зависимости писаных законов от предшествовавших им установлений обычного права и, наконец, определить основные черты, характеризующие писаный закон и отличающие его от закона неписаного. Тем не менее мы попытаемся, насколько это возможно, ответить на поставленные вопросы, привлекая, помимо литературных источников, традиционных для данной темы, и некоторые эпиграфические памятники.

Прежде всего необходимо, очевидно, остановиться на типологии ранних законодательств, ибо уже а priori можно полагать, что созданные в разных исторических ситуациях законодательные акты не могли быть полностью идентичными. В силу неравномерности социально-экономического и политического развития отдельных областей и городов Греции главные болевые точки, определявшие общественные потребности в сфере законодательства, были неодинаковы. Это, по-видимому, отчетливо понимал Аристотель, в суждениях и оценках которого уже содержатся элементы классификации древних законодательных актов.

⁴ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 108–110; Starr Ch. G. The Decline of the Early Greek Kings // *Historia*. Bd. X. P. 129 ff.; Jeffery J. H. Archaic Greece. P. 39 f.; Arnheim M. T. W. Aristocracy in Greek Society. L., 1977. P. 39 ff.

⁵ См., например: Пальцева Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 242–245, 257–267.

⁶ Свидетельством стремления разных общественных групп преодолеть разногласия именно путем компромисса стало возникновение института эсимнетии. Подробнее о деятельности эсимнетов как социальных посредников см., например: Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 121 и след.; Toepffer J. Aisymnetes (1) // *RE*. Bd. I. 1893. Sp. 1088–1091; Mannzmann A. Aisymnetai // *Der Kleine Pauly*. 1979. Bd. I. Sp. 200; Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. I. S. 101, 107; Bd. II. S. 577 u. folg.; 582.

Давая во II книге «Политики» краткий обзор ранних греческих законодательств, Аристотель подчеркивает, что они неоднородны по своему характеру: некоторые законодатели, устанавливая законы, вместе с тем вносят изменения в государственное устройство; другие, не затрагивая конституционных основ, ограничиваются лишь введением законов (*Arist. Polit. II. 9. 1. 1273b*). Из этого можно заключить, что важным критерием оценки законодательства для Аристотеля было отношение законодателя к существующему государственному строю. К законодателям первого типа, деятельность которых имела характер всеобъемлющей конституционной реформы, Аристотель относит Ликурга и Солона, уделяя им соответственно больше внимания, чем прочим номофетам. Предпочтение, отданное двум крупнейшим законодателям и реформаторам Греции, объясняется, конечно же, тем, что их деятельность оказала решающее влияние на дальнейшее историческое развитие Спарты⁷ и Афин⁸, игравших, как известно, ведущую роль среди греческих полисов классического периода. Понятно, однако, что конституционные изменения коснулись не только двух названных центров. Если бы Аристотель ставил перед собою цель дать полный перечень законодательств этого типа, он, безусловно, мог бы внести в него немало имен законодателей, занимавшихся реформированием государственного устройства в разных полисах⁹.

Ограничив свой список законодателей – реформаторов государственного строя двумя названными именами, Аристотель вместе с тем дает нам довольно пространственный перечень номофетов, которые были известны как создатели законов, регулирующих отношения собственности (прежде всего земельной), а также другие сферы общественной жизни. Это Залевк из Локр, Харонд из Катаны, Оксил из Элиды, Фидон и Филолай из Коринфа, Драконт из Афин, Андродамант из Регия, Эпименид Критский и др. (*Arist. Polit. II. 3. 7. 1265 b; II. 9. 5–6. 1274 a; II. 9. 8–9. 1274 b; VI. 2. 5. 1319 a*). Главной отличительной чертой их законодательств, судя по отдельным высказываниям Аристотеля, было то, что они не вторгались в сферу государственного устройства¹⁰. Вместе с тем, исходя из данных Аристотеля и других источников, можно заключить, что помимо этого общего для всех указанных номофетов качества, созданные ими законодательства имели и существенные различия, касающиеся прежде всего их состава и назначения.

В особую группу следовало бы, наверное, выделить аграрные законодательства, включавшие предписания и запреты, с помощью которых законодатель пытался решить на-

⁷ Вопрос о законодательстве Ликурга и его воздействии на последующую историю Спарты исчерпывающим образом исследован в монографии Л. Г. Печатновой, где указана и основная литература вопроса. См.: *Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики)*. СПб., 2001. С. 11–56.

⁸ О реформаторской деятельности Солона в Афинах см.: *Калобова К. М. Революция Солона // Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 39. Сер. ист. наук. 1939. Вып. 4. С. 25–72; Лурье С. Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI в. до н. э. // Там же. С. 73–88; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 131–135; Шушова И. А. Раннее законодательство... С. 58–62; *Freeman K. The Work and Life of Solon*. Cardiff; L., 1926; *Woodhouse W. J. Solon the Liberator*. Oxford; L., 1938; *Ruschenbusch E. Solonos Nomoi. Die Fragmente der Solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte*. Wiesbaden, 1966 (*Historia-Einzelschriften*, N. 9); *Robertson N. Solon's Axones and Kyrbeis and the Sixth-Century Background // Historia*. 1986. Bd. XXXV, N. 2. P. 147–176.*

⁹ К законодателям этого типа можно отнести, например, Демонакта, который провел конституционную реформу в Кирене (*Herod. IV. 161*). Законы, вносящие изменения в действующую конституцию, иногда доходят до нас в виде надписей. Это, в частности, закон критского г. Дрера, касающийся функционирования института космонов (ML. № 2; надпись середины – второй половины VII в. до н. э.), а также так называемая хиосская ретра (ML. № 8; первая половина VI в. до н. э.).

¹⁰ В некоторых случаях это специально оговаривается, в других – молчаливо подразумевается Аристотелем. Последнее заключение можно сделать на основании того, что к создателям политий он, как уже отмечалось, отнес только Ликурга и Солона.

зревшие социально-экономические проблемы. К законодателям этого рода относятся, в частности, Фидон, Филолай, Оксил, а также ряд неизвестных по имени номофетов, о деятельности которых мы узнаем из кратких реплик Аристотеля¹¹. Появление этих законов диктовалось необходимостью нахождения путей выхода из ситуации, обусловленной новыми веяниями в экономике и социальной жизни. Поэтому можно полагать, что законы этого типа не были непосредственно связаны с обычным правом. В VII в. до н. э., когда они создавались, обычное право оказывалось все менее пригодным для регулирования аграрных отношений; в этих условиях законодатель должен был найти новый, нетрадиционный путь решения аграрной проблемы, т. е. отойти от устоявшейся практики, от обычая, следование которому в новых условиях заводило общество в тупик. К числу таких нетрадиционных мер относились, в частности, ограничение рождаемости, запрет на продажу первоначальных земельных наделов, а также запрещение ипотеки, т. е. использования земли в качестве средства обеспечения договорных обязательств (*Arist. Polit.* II. 3. 7. 1265 b; II. 9. 7. 1274 a; VI. 2. 5. 1319 a). По-видимому, данное качество, т. е. разрыв с традицией, с обычаем, в полной мере присуще и законодательствам первого типа, имевшим характер конституционных реформ. Отличительной чертой аграрных законодательств было, видимо, и то, что они не предусматривали каких-либо конкретных наказаний за нарушение предписаний законодателя и, следовательно, не могли использоваться в судебной практике при определении меры наказания, которое назначалось, видимо, в каждом случае произвольно.

Обратимся теперь к третьей группе законодательств, которые появляются в VII в. до н. э. и отличаются четко выраженной практической направленностью. Это письменные законодательные кодексы, создававшиеся для обеспечения текущего судопроизводства. Первым по времени в этой группе законодательств был Залевк из Локр Эпизефирских – его преобразование относится, по Евсевию, к 662 г. до н. э. (*Euseb. Chron.* II, p. 185 *Karst*). По свидетельству Эфора (*ap. Strab.* VI. 1. 8, p. 259), это был первый свод писаных законов. Несколько позднее в другой западной колонии, сицилийской Катане, создал писаные законы Харонд¹². В 621 г. до н. э. в Афинах появился кодекс писаных законов, составленный Драконтом¹³. Наконец, на рубеже VII–VI вв. до н. э. предложил свои законы избранный эсимнетом Питтак Митиленский¹⁴.

Безусловно, список законодателей, вводивших в разных городах Греции писаные законы для нужд судопроизводства, был более обширным, нежели тот, который мы можем сейчас восстановить: едва ли приходится сомневаться в том, что рано или поздно процесс кодификации обычного права должен был произойти в подавляющем

¹¹ Подробнее об аграрных законодательствах см.: *Шушова И. А.* Раннее законодательство... С. 74–86.

¹² По свидетельству Элиана, после бегства из Катаны Харонд вводил свои законы в Регию (*Ael. V. N.* III. 17). Законы Харонда были приняты также в других халкидских колониях Италии и Сицилии (*Arist. Polit.* II. 9. 5. 1274a) и даже в более отдаленных областях. Подробнее о законодательствах Залевка и Харонда см.: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Ч. I. Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 58–60; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 176; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. С. 130; *Шушова И. А.* Раннее законодательство... С. 62–74; *Строгецкий В. М.* Античная традиция и современная наука о законодательстве Залевка и Харонда // Античность, средние века и новое время: Социально-политические и этно-культурные процессы. Н. Новгород, 1997. С. 68–78; *Adcock F. E.* Literary Tradition and Early Greek Codemakers // *The Cambridge Historical Journal.* 1927. Vol. II. 2. P. 95–109; *Mühl M.* Die Gesetze des Zaleukos und Charondas // *Klio.* 1929. Bd. XXII, H. 1. S. 105–124; H. 4. S. 432–463; *Dunbabin T. J.* The Western Greeks. Oxford, 1948. P. 68–75.

¹³ О законах Драконта см.: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. С. 136–141; *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. С. 131; *Шушова И. А.* Раннее законодательство... С. 56–57; *Ruschenbusch E.* Phonos. Zum Recht Dsakons und seiner Bedeutung für das Werden athenischen Staates // *Historia.* 1960. Bd. IX, H. 2. S. 129–154; *Stroud R. S.* Drakon's Law on Homicide. Berkley; Los Angeles, 1968; *Gagarin M.* Drakon and Early Athenian Homicide Law. New Heaven, 1981.

¹⁴ О деятельности Питтака как социального посредника и законодателя см.: *Schachermeyr F.* Pittakos // *RE.* 1950. Bd. XX, Hbbd. 40. Sp. 1862–1873.

большинстве греческих полисов. Прекрасным подтверждением этого является знаменитая надпись из критского города Гортины¹⁵. По мнению М. Гвардуччи, она может быть датирована 480–460 гг. до н. э.¹⁶ К большой надписи V в., так называемой «Гортинской правде»¹⁷, близки по содержанию несколько более ранних надписей и фрагментов с записью текстов законодательного характера (IC. IV. № 1–71). Самые ранние из них датируются концом VII – началом VI в. до н. э. Сличение фрагментов древнейшего гортинского законодательства с надписью V в. показывает, что позднейшая версия, как и ранний законодательный кодекс, посвящена разработке норм частного права и представляет собой, видимо, несколько переработанный и расширенный вариант архаического законодательства¹⁸.

Безымянные законотворцы Гортины, создавшие один из самых ранних греческих юридических памятников, по характеру своей деятельности могут быть поставлены в один ряд с Залевком, Харондом, Драконтом и Питтаком. Названные законодательства, которые мы условно относим к третьей группе, в значительной степени основываются на обычном праве, непосредственно связаны с ним, хотя, как нам представляется, это их качество нельзя переоценивать¹⁹. В конечном счете и здесь законодатель вынужден был вводить элементы нового, поскольку само появление писаных законодательных кодексов было вызвано стремлением преодолеть свойственную обычному праву сословную ограниченность²⁰. Созданные в период безусловного господства родовой аристократии,

¹⁵ Надпись неоднократно становилась предметом исследования археологов и историков. См., например: *Baunack Joh., Baunack Th.* Die Inschrift von Gortyn. Leipzig, 1885 (Hildesheim, 1972); *Bücheler F., Zitelmann E.* Das Recht von Gortyn. Frankfurt, 1885 (Aalen, 1960); *Willets R. F.* The Law Code of Gortyn. В., 1967 (= Kadmos. Supplement I). Наиболее фундаментальное издание надписи осуществлено М. Гвардуччи в томе IV *Inscriptiones Graecae* (IC. IV. № 72). К надписи неоднократно обращались и отечественные исследователи. См., например: *Колобова К. М.* Войкеи на Крите // ВДИ. 1957. № 2; *Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита (V–IV вв. до н. э.). М., 1964; *Казанский Н. Н.* Диалекты древнегреческого языка: Учеб. пособие. Л., 1983. С. 56–67.

¹⁶ Р. Мейгтз и Д. Льюис считают эту дату несколько завышенной (ML. № 41).

¹⁷ Гортинское законодательство первой половины V в. до н. э. изложено в большой надписи, состоящей из двенадцати столбцов текста, некогда начертанного на стене круглого в плане здания (предположительно – дикастерия).

¹⁸ *Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита. С. 34, 41.

¹⁹ В. В. Латышев, выражая распространенный взгляд на деятельность ранних законодателей, писал: «Их дело состояло, по-видимому, не столько в сочинении новых уставов для жизни, сколько в выборе и письменном закреплении тех положений обычного права, которые казались им наиболее разумными и справедливыми». См.: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей... С. 58. Насколько иначе трактуется этот вопрос И. А. Шишова, отмечающая различие между обычным и кодифицированным правом применительно к Локрам Эпизефирским: «Законы Залевка имели целью кодифицировать “обычное право”, существовавшее в метрополии, внося в него ряд изменений, отражавших особенности колониального статуса». См.: *Шишова И. А.* Раннее законодательство... С. 66. Признавая в целом справедливость этой точки зрения, заметим, однако, что важнейшей чертой кодифицированного права, отличавшей его от обычного права, являлась рациональная система мер, направленных на повышение объективности и точности судебных решений, что мы и попытаемся показать в настоящей работе.

²⁰ Древние авторы, как правило, связывают появление ранних законодательств с обострением социальной напряженности. Так, по сообщению Аристотеля, законы Залевка были введены в Локрах Эпизефирских после волнений, возникших в этой южноиталийской колонии (*Arist. fr.* 548 *Rose*³). Законодательство Харонда было принято в Катане и других сицилийских колониях, возможно, под воздействием путча Панэтия в Леонтинах (подробнее см.: *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. С. 171–178). В сложной социальной обстановке создавались, как известно, законы Драконта и Солона в Афинах. На Крите, где законодательная деятельность была особенно интенсивной, тоже нередко происходили общественные потрясения. Аристотель сообщает о том, что в критских городах часто имели место столкновения аристократических кланов, в которых принимало участие и рядовое население острова (*Arist. Polit.* II. 7. 7. 1272b). В «Гортинской правде» есть пункты, позволяющие предположить, что принятию этого законодательства предшествовал приход к власти какой-то новой политической группировки. Все это показывает нам, что в

нормы обычного права допускали произвольное толкование и применение в интересах данной социальной группы²¹. В этих условиях особенно большое значение, наряду с записью обычного права, имело введение фиксированных наказаний за каждый вид правонарушений, что создавало определенную гарантию от судебного произвола, уравнивая (по крайней мере, формально) перед судом всех граждан, независимо от степени их знатности и имущественного положения.

По свидетельству Эфора (*ap. Strab. VI. 1. 8, p. 260*), Залевк первым определил меру наказания за каждый вид преступлений в самих законах, в то время как прежние законодатели оставляли это на усмотрение судей. Немногочисленные свидетельства о законах Залевка дают основание полагать, что за те или иные конкретные преступления законодателем предусматривались такие наказания, как смертная казнь, увечье и атимия. При этом следует иметь в виду, что мы, видимо, имеем далеко не полный перечень наказаний, предлагавшихся Залевком (*Arist. fr. 548 Rose³; fr. 600 Rose³; Dem. XXIV. 139–141; Ephor ap. Strab. VI. 1. 8, p. 259–260; Polyb. XII. 16; Diod. XII. 12. 1; 19. 3–21; Ael. V. H., II. 37; Athen. X. 33. 429a; Clem. Alex. Strom. I. 79*).

Важный принцип, впервые введенный Залевком в сферу права, позднее был использован другими законодателями, создававшими свои кодексы для непосредственного применения в судебной практике. Можно полагать, что фиксированные наказания предусматривались и в законодательстве Харонда. К такому выводу приводит сообщение Аристотеля о разных размерах штрафов, определенных законодателем для лиц, уклоняющихся от исполнения судебных обязанностей (*Arist. Polit. IV. 10. 6. 1297 a*). Более определенно можно говорить о фиксации мер наказания в законодательстве Драконта. Данные литературных источников здесь дополняются афинской надписью 409/8 г. до н. э., содержащей текст законов Драконта об убийстве (ML. № 86). Несмотря на установившееся в древности мнение о чрезвычайной суровости этого законодательства (*Arist. Polit. II. 9. 9. 1274 b*), известно, что помимо смертной казни оно предусматривало такие наказания, как атимия, изгнание и штраф (*Arist. Athen. Pol. 4. 1; 41. 2; Andoc. I. 81–83; Dem. XLIII. 57; Plut. Sol. 17; Pollux. VIII. 42; IX. 61*). Созданные несколько позднее законы Питтака Митиленского, о которых сохранились очень скудные свидетельства источников, тоже, по-видимому, точно фиксировали меру наказания. Свидетельством этого может служить отмечаемая Аристотелем особенность законодательства Питтака, заключавшаяся в том, что для лиц, совершивших правонарушение в пьяном виде, полагалось более суровое наказание, чем для трезвых (*Arist. Polit. II. 9. 9. 1274 b*).

Обратившись к законам Гортины, мы увидим, что и они основаны на соблюдении принципа точной фиксации размеров наказания. Это относится как к архаическим законам Гортины, так и к кодексу V в. до н. э. Основным видом наказаний в Гортине на рубеже VII–VI вв. до н. э. являлись штрафы, исчисляемые в «котлах» и «треножниках»²².

условиях роста социальной напряженности кодификация права зачастую рассматривалась как средство, которое могло усмирить накал общественных страстей.

²¹ Это особенно хорошо видно на примере Гесиода, который жил в условиях сохранения древних неписаных норм обычного права. Гневное обличение поэтом несправедного суда является, по существу, протестом против старых форм судопроизводства, основанных на неписаных законах. Подробнее об этом см.: Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. С. 53–58; Bonner R. J., Smith G. Administration of Justice from Homer to Aristotle. Chicago, 1930. Vol. I; Gagarin M. «Dike» in the «Works and Days» // CPh. 1973. Vol. 68. P. 81 ff.

²² Необычная форма взимания штрафа в архаической Гортине долгое время была предметом научной дискуссии. Часть исследователей полагала, что котлы и треножники служили средством обмена и уплаты разного рода платежей и штрафов, т. е. служили как бы заменителями денег. Другая точка зрения сводилась к тому, что уплата штрафов производилась монетами с изображением котлов и треножников. Согласно третьей гипотезе, котлы и треножники служили на Крите эквивалентом стоимости других предметов, своего рода счетной единицей, как это было в гомеровской Греции. Развивая эту мысль, следует допустить, что в архаической Греции штрафы взимались натурой: это могли быть слитки металла, скот, зерно и другие ценности, стоимость которых приравнивалась к стоимости определенного количества котлов

Размеры штрафов дифференцировались в зависимости от тяжести правонарушений: минимальный штраф составляет один «котел», максимальный – сто «котлов» (что касается «треножника», то он упоминается лишь в одной надписи). В V в. до н. э., когда на Крите, и в том числе в Гортине, начинается монетная чеканка, исчисление штрафов производится уже в денежной форме. В «Гортинской правде» размеры штрафов варьируются от пяти до ста статеров. Минимальная упоминаемая в надписи сумма – одна драхма (такую сумму полагалось выплачивать, помимо штрафа в пять статеров, за каждый день просрочки исполнения решения суда об освобождении незаконно захваченного чужого раба).

Отмеченные выше особенности, присущие законодательствам рассматриваемого типа, позволяют, как нам представляется, заключить, что введение фиксированных наказаний за разные виды правонарушений являлось одной из общих закономерностей, присущих процессу кодификации права.

По-видимому, важнейшим элементом этого процесса можно считать и стремление законодателей к выработке точной юридической терминологии. Аристотель, давая краткую характеристику законодательства Харонда, подчеркивает как одну из его особенностей точность в определении понятий (*Arist. Polit.* II. 9. 8. 1274 b). По-видимому, это же имел в виду Эфор, одобрительно отзывавшийся о простоте законов Залевка, регулирующих договорные обязательства граждан (*ap. Strab.* VI. 1. 8. p. 260). Эта простота достигалась, видимо, более четким изложением и точностью формулировок, что облегчало толкование закона. В законах Драконта об убийстве обращает на себя внимание четкое разделение убийств на три категории: преднамеренное, непреднамеренное и дозволенное, и столь же четкое определение процедуры судопроизводства по каждому роду убийств²³. Немало примеров употребления точных юридических терминов можно найти и в Гортинских законах, как в раннем архаическом законодательстве, так и в кодексе V в. до н. э.

Появление отмеченной тенденции уже на самом раннем этапе кодификации права следует, видимо, рассматривать как результат сознательного стремления законодателей преодолеть неопределенность и расплывчатость обычного права, допускающего двойное толкование. Стремление к точности формулировок, являясь, несомненно, важнейшим условием развития законодательного процесса, в конечном счете способствовало совершенствованию практики судопроизводства, обеспечивающего справедливость судебных решений и гарантию от произвола судей.

При всей фрагментарности наших знаний о ранних законодательствах не может вызывать сомнения внимание законодателей к сфере судопроизводства. Как уже отмечалось, в законодательстве Драконта совершенно четко прослеживается стремление упорядочить судопроизводство по делам об убийстве. В других ранних законодательствах мы сталкиваемся с усилением роли свидетелей в судебном процессе. Эта тенденция проявляется уже в законодательстве Залевка²⁴. Харонд, по сообщению Аристотеля, впервые ввел судебное преследование за дачу ложных свидетельских показаний (*Arist. Polit.* II. 9. 8. 1274 b). Особенно отчетливо роль свидетелей выступает в «Гортинской правде», где свидетельские показания рассматриваются как важнейшее основание для вынесения приговора. В надписи неоднократно оговаривается количество свидетелей, необходимое в каждом конкретном случае²⁵. Все это, в совокупности с отмеченными

или треножников. Подробнее см.: *Казаманава Л. Н.* К вопросу о «котлах» и «треножниках» в архаических критских надписях // *СА.* 1958. Вып. 28; *Она же.* Очерки социально-экономической истории Крита... С. 35–39.

²³ Подробнее см.: *Stroud R. S.* Drakon's Law...; *Idem.* Aristotle and Athenian Homicide // *Aristote et Athenes.* P., 1933. P. 203 ff.; *Gagarin M.* Drakon... P. 65 ff.; *Bonner R. J., Smith G.* Administration of Justice... Chicago, 1938. Vol. II. P. 203.

²⁴ *Лурье С. Я.* История Греции. С. 152; *Шушова И. А.* Раннее законодательство... С. 113. Примеч. 111; *Pringsheim P.* The Greek Law of Sale. Weimar, 1956. P. 16.

²⁵ Гортинское законодательство не предусматривает привлечения к ответственности за лжесвидетельство. Возможно, в этом отражается одна из особенностей несколько архаического критского

ранее особенностями рассматриваемой нами группы законодательств, давало возможность обеспечить более высокую степень объективности суда, что соответствовало интересам широких слоев общества и что, собственно, являлось целью создания писаных законов.

Отметив некоторые закономерности, присущие процессу кодификации права в Греции, укажем еще раз на значение кодификации в ходе социально-политических преобразований архаического периода. В политическом отношении это явление, в значительной степени обусловленное ростом социальной напряженности в VII–VI вв. до н. э.²⁶, представляло собой особый тип компромисса между противоборствующими социальными группами. Как уже не раз справедливо отмечалось исследователями, кодификация, утверждая приоритет закона в общественной жизни, способствовала тем самым формированию суверенной гражданской общины, т. е. полиса²⁷.

L. A. PALTSEVA

PER IL PROBLEMA DELLA
CODIFICAZIONE DEL DIRITTO
NELL'ANTICA GRECIA

(RIASSUNTO)

L'articolo è dedicato all'esame del processo di codificazione del diritto nell'antica Grecia. L'A. ritiene importante analizzare sia le circostanze esterne che condizionavano il processo, sia le principali caratteristiche che differenziavano la legge scritta da quella non scritta. L'introduzione delle leggi scritte, come forma speciale di regolamento dei rapporti all'interno della polis, si rese necessaria in quelle città in cui le contraddizioni sociali erano diventate troppo acute. In questo contesto la codificazione rappresentava uno speciale tipo di compromesso tra i gruppi sociali antagonisti.

I dati tramandati da Aristotele e dalle altre fonti consentono di individuare tre tipi principali di legislazioni antiche. Le legislazioni appartenenti al primo tipo sono, secondo Aristotele, quelle di Licurgo e di Solone, che contenevano importanti riforme costituzionali. Il secondo gruppo, invece, comprende legislazioni agrarie con prescrizioni e

divieti, le quali, grazie all'intervento dei legislatori (in particolare Fidone, Filolao, Ossilo), cercarono di risolvere i gravi problemi socio-economici. Si può supporre che le legislazioni di questi due tipi non siano direttamente connesse con il diritto comune. I loro creatori tesero soprattutto a trovare nuovi modi non tradizionali al fine di risolvere i problemi socio-economici che li spinsero ad abbandonare la «pratica consueta» e il «costume».

Le legislazioni del terzo tipo sono rappresentate dai codici scritti destinati ad assicurare la procedura giudiziaria corrente. In tale tipo di legislazioni sono incluse quelle di Zaleuco, Arondo, Pittaco ed inoltre anche le leggi di Gortina il cui autore è tuttora sconosciuto. Queste legislazioni si basano per la maggior parte sul diritto comune e contengono anche una serie di elementi nuovi che consentono di dare più oggettività alle sentenze. Ha grande importanza

общества. Клятва, даваемая свидетелями и так называемыми «соприсяжными», рассматривалась здесь как достаточная гарантия объективности даваемых показаний. Ср.: *Казманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита... С. 45.

²⁶ Едва ли можно признать продуктивным стремление связать кодификацию права лишь с повышением уровня образованности рядового населения Греции. См., например: *Thomas C. G.* Litteracy and the Codification of Law // *Studia et documenta historiae et juris.* Roma, 1977. XLII. P. 455 f. Распространение грамотности было, разумеется, необходимой предпосылкой кодификации, но не основным побудительным мотивом. Поэтому нам представляется совершенно справедливой критика данной точки зрения, содержащейся в работе И. А. Шишовой. См.: *Шишова И. А.* Раннее законодательство... С. 104–105. Примеч. 44.

²⁷ *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. С. 67, 120–121; *Яйленко В. П.* Архаическая Греция и Ближний Восток. С. 58; *Шишова И. А.* Раннее законодательство... С. 58.

l'introduzione di pene fisse per ogni tipo di violazione delle leggi, ciò rappresentava una garanzia contro la prepotenza dei giudici e rendeva tutti i cittadini uguali davanti al tribunale senza distinzione per nobiltà o ricchezza. Il processo della codificazione del diritto è caratterizzato

dalla tendenza ad elaborare i termini precisi e a fissare le determinate norme del processo giudiziario; questo risulta la condizione più importante per lo sviluppo ulteriore del processo legislativo e per il perfezionamento della pratica giuridica.